

В. Н. Барышников

ШТУРМ ЛЕНИНГРАДА В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ В. ЭРФУРТА

О роли Финляндии в блокаде Ленинграда написано довольно много, причем, наряду с попытками взглянуть на боевые действия войск Маннергейма не предвзято исторически, существуют широко распространенные суждения об «особой миссии», которую стремилась исполнить возглавляемая маршалом армия. Утверждается, что она скорее «прикрывала Ленинград от немцев», чем участвовала в битве за города. Финский исследователь Я. Вирмавирта в своих рассуждениях о Маннергейме, в частности, пришел к выводу, что просто «немцам он... не захотел отдать “свой” Петербург»¹. Далее, поясняя эту мысль, он пишет: «Финляндия так и не начала наступления на Ленинград. Ее войска остановились недалеко от города». Он весьма твердо подчеркивает, что Маннергейм был «против операции по захвату Ленинграда»². Достаточно загадочным выглядит и утверждение известного эстонского истерика Х. Вайну, который признал, что «Маннергейм давно мечтал взять город на Неве», но «ограничился лишь имитацией наступления на Ленинград»³.

Столь своеобразные представления уже довольно прочно вошли в общественное сознание и укоренились в значительной части изданной в России научно-популярной литературы, раскрывающей позицию Финляндии в период Великой Отечественной войны⁴. Этому также способствовало и то, что финский маршал в своих мемуарах, написанных уже в самом конце жизни, тоже всячески стремился подчеркнуть свое стремление не участвовать в немецком наступлении на Ленинградском направлении. Действительно, поскольку итог Второй мировой войны оказался не тем, на который он рассчитывал летом 1941 г., Маннергейм в новых условиях, конечно, не хотел, чтобы Финляндию, как и Германию, обвинили в организации блокады города. Поэтому Маннергейм задним числом, повествуя о битве за Ленинград, написал: «С самого начала счел необходимым ясно заявить президенту и правительству, что ни в коем случае не буду руко-

водствоваться осуществлением задачи вести наступление против города на Неве»⁵. Этой фразой финский маршал хотел, очевидно, подчеркнуть непричастность Финляндии ко всем тем ужасами и гигантским страданиям, которые выпали на долю ленинградцев в 1941–1944 гг.

Однако, как стройный хор доброжелателей финского маршала, так и его личные послевоенные утверждения никоим образом не соответствовали действительности. На самом деле все обстояло далеко не так. Финские войска реально имели свой собственный сектор ответственности в блокадном кольце, окружавшем город. Именно блокада и вела к гибели миллионов ленинградцев, умиравших в колоссальном количестве. Смертность среди гражданского населения в большей степени была связана не с артиллерийскими обстрелами и бомбардировками, а с голодом, вызванным блокадой. Финская армия же эту блокаду в течение нескольких лет вместе с немцами держала четко и вполне исправно.

Но главный вопрос, который изначально все же возникает, это хотела ли Финляндия вообще участвовать в штурме Ленинграда и был ли вообще реальным наступление финских войск на Ленинград в 1941 г.? Именно отсутствие этого «желания» является главным аргументом всех тех, кто стремится оправдать Маннергейма за участие Финляндии в войне против СССР на стороне нацистской Германии.

В данном случае, однако, действительную позицию финского главнокомандующего можно представить из скрупулезных дневниковых записей, которые оставил представитель верховного командования Германии при финской ставке генерал В. Эрфурт. Он в момент начала Ленинградской битвы регулярно встречался с маршалом, а затем записывал впечатления от бесед с ним в своем дневнике. Этот ценнейший исторический источник стал доступен для научного осмысления лишь 2010-е гг.⁶ Именно данный дневник создал, как представляется, наиболее ясную картину взглядов Маннергейма на возможность совместного с немецкой группой армий «Север» штурма финскими войсками Ленинграда осенью 1941 г.

Но перед тем, как остановиться на материалах дневника В. Эрфурта, безусловно, следует заметить, что изначально главной целью разворачивающихся тогда боевых действий Германии и Финляндии на северо-западе являлся захват Ленинграда. Более того, затем, по планам германского командования, предполагалось вообще последующее полное уничтожение этого города⁷.

Действительно, касаясь задач финской армии, можно сказать, что изначально она здесь выполняла вспомогательную роль. Это подтверждается еще и тем, что Финляндия начала свое непосредственное участие в битве за Ленинград только тогда, когда войска группы армий «Север» вышли на ближние подступы к городу. Поэтому с началом войны финские части

не сразу ринулись в бой. Переход в наступление находился в прямой зависимости от темпов продвижения немецкой группы армий «Север»⁸. В результате только 9 июля 1941 г. генерал В. Эрфурт, как указывается в дневнике, объявил, наконец, маршалу, что *на следующий день* группа армий «Север» начнет разворачивать свое наступление непосредственно на Ленинград. Это был для Финляндии сигнал к началу ее собственных действий⁹. Единственное, что тогда не очень понравилось Маннергейму, как заметил В. Эрфурт, стало то, что известие о начале наступления он получил «в самый последний момент». Хотя при этом, как записал в своем дневнике немецкий представитель, маршала, как и еще двух присутствующих при этом сообщении финских генералов, это не смутило и они «были сильно впечатлены масштабом плана операции». По наблюдениям Эрфурта, тогда в ставке Маннергейма вообще было «хорошее настроение из-за большой задачи, поставленной перед финнами»¹⁰.

В результате 10 июля главнокомандующий, как и требовалось, отдал приказ о переходе в наступление¹¹. Оно началось в Северном Приладожье. Однако для финских войск наступление оказалось не столь успешным, как было 22 июня для германской армии. Финские войска стали нести большие потери¹², что, безусловно, было связано с отсутствием у финской армии фактора внезапности, который имелся у Германии в момент начала развертывания боевых действий на границе с Советским Союзом. Это, таким образом, оказалось «платой за ожидания», которую финская армия вынуждена была отдать за «общий успех».

В результате продвижение финских войск стало развиваться не так быстро, как планировалось, и в конечном итоге в Восточной Карелии наступление «было приостановлено»¹³. Однако в этот период нужно было действовать уже прямо против Ленинграда. 30 июля, Маннергейм отдал уже новый приказ. Теперь прорыв финской армии к Ленинграду должен был произойти по самому короткому маршруту. Наступление должно было начаться на Карельском перешейке. Однако и здесь бои приобрели не менее ожесточенный характер. Только 5 августа, пополненная резервами финская армия, осуществила выход в центральную часть Карельского перешейка¹⁴.

Тем не менее, общий ход начавшейся войны все же несколько смущал финского маршала. Это не мог не зафиксировать В. Эрфурт. Становилось очевидным, что предполагавшийся ранее стремительный прорыв войск, который должен был быстро закончить всю войну, не получился. Блицкриг, как это было ранее в Европе, у Германии явно не удался. Об этом 18 августа Маннергейм, ничуть не стесняясь, откровенно сказал В. Эрфурту. Его явно смущало «медленное» наступление немецких войск на город с юга, поскольку, как он сказал Эрфурту, уже «скоро *пройдет*

два месяца!» с начала войны. Это явно не вписывалось в первоначальные замыслы и финского командования.

Действительно, в военном руководстве Германии тогда тоже, конечно, зафиксировали факт, что продвижение их войск оказалось не таким стремительным, как предполагалось. Стало понятно, что сходу, «на плечах противника» взять Ленинград не удастся. Поэтому было решено перейти к взятию города путем его осады. Это историческое по своей сути решение рождалось в недрах руководства рейха уже на второй месяц войны. Более того, в Берлине стали полагать, что «финское направление» могло превратиться в наиболее выгодное для начала успешного штурма города. Финские войска, как считал Эрфурт, могли «атаковать противника с тыла», т. е. со стороны Финляндии. Это, как начали полагать в Германии, позволит отвлечь защитников города от той опасности, которая нависла над Ленинградом с юга¹⁵.

Естественно, финскому маршалу об изменившихся планах сразу же была предоставлена строго конфиденциальная информация. 20 августа Эрфурт сообщил Маннергейму, что «у немецкой стороны нет намерения захватить Петербург стремительным штурмом». Он указал, что теперь, в результате изменившейся обстановки, вермахт «скорее постарается добиться осады города и затем разрушить его оборону с помощью авиаударов и артиллерийским огнем». Таким образом, взятие Ленинграда предполагалось уже в виде хорошо подготовленной блокады, а задача Финляндии «заключается в том, чтобы как можно большее количество финских войск участвовало в блокаде Санкт-Петербурга с севера»¹⁶.

По наблюдению Эрфурта, это сообщение произвело на Маннергейма очень «пагубное впечатление». Немецкий генерал записал в своем дневнике: «Было явно заметно, что он не согласился с пожеланиями немцев. Однако он сдержался и просто спросил: “Как я могу сделать все это?.. Я не имею ни современного вооружения, ни авиация и несу большие потери”»¹⁷. В целом, в результате раскрытия новых немецких замыслов, для Маннергейма стало предельно понятно, что все первоначальные планы Германии серьезно менялись и «появился, — по словам маршала, — совершенно новый натюрморт».

В новых условиях финские войска должны были взять на себя существенно большую долю участия в войне. Как маршал прямо указал Эрфурту, это делало операцию более длительной и более масштабной для его армии. В целом война явно становилась не такой, на которую маршал рассчитывал, впуская на свою территорию осенью 1940 г. немецкие войска. Перед финской армией в итоге возникали новые достаточно сложные цели. Это требовало и нового напряжения сил.

В целом Маннергейм заявил Эрфурту, что участие финских войск в длительной осаде Ленинграда «является большой задачей, которая никак не могла быть решена слабыми силами финнов». Но полностью и категорически отказаться от дальнейшего ее осуществления финский маршал все же не собирался. Он лишь хотел оставить за финской армией сугубо вспомогательные функции. Поэтому Маннергейм заявил, что «считает планы Германии весьма обширными», но для прорыва существующих под Ленинградом укреплений «у нас нет... возможностей, нет ни авиации, ни артиллерии». Маршал прямо тогда сказал, что для него было бы лучше, то, как планировалось прежде, — «Петербург захватили немцы и оставили бы его под своим контролем»¹⁸. Эрфурт на это смог лишь цинично успокоить Маннергейма, сказав ему, что «более жесткая осада Петербурга облегчит ситуацию», а сами «цели, поставленные в плане, обозначены смело и обещают превратиться в большой успех»¹⁹.

В итоге Маннергейм действительно начал свое прямое наступление на город. Причем оно осуществлялось по самому короткому для финской армии маршруту. Первой целью здесь являлся Выборг. Впрочем, продвижение финских войск оказалась вполне успешным. В условиях нависшей угрозы окружения советские части с боями сами начали свой отход²⁰. Выборг был оставлен 29 августа. В этот день финская армия вступила в пустой город. Далее же, не сбавляя темпа, финские войска продолжили наступать и уже 31 августа, вышли к «старой государственной границе». В результате до центра Ленинграда оставалось пройти еще чуть больше 30 километров. И Маннергейм сразу же отдал новый приказ продолжить наступление. Таким образом, развернулись непосредственные бои на ближних подступах к городу.

В целом, то, что это наступление на Ленинград являлось достаточно продуманной операцией, свидетельствует весьма деловая и откровенная беседа, которая тогда состоялась у финского маршала с немецким генералом. Как зафиксировал в своем дневнике Эрфурт, «маршал, казалось, понял мою идею».

Однако перспектива быстрого выхода финской армии к окраинам Ленинграда по самому короткому маршруту явно наталкивалась на серьезные проблемы. Прежде всего они были связаны с отсутствием у Маннергейма достаточного количества войск для перехода к реальному штурму многомиллионного города. Но даже не это тогда казалось участникам беседы принципиальным. Маршал прежде всего хотел уже уточнить, что далее после взятия города «собираются немцы сделать с Санкт-Петербургом?». А когда немецкий генерал ответил, что «цель немецкого военного руководства — полностью его уничтожить», Эрфурт заметил, что это заявление нисколько не смутило финского маршала²¹.

Единственное, что в данном случае, вероятно, больше всего интересовало Маннергейма, — это сохранившиеся в Ленинграде художественные ценности, особенно коллекции Эрмитажа. Поскольку, как указал в своем дневнике Эрфурт, «Маннергейм проявлял большой интерес к артефактам»²². Маршал, конечно, хорошо знал, что германским командованием уже были созданы специальные команды, которые должны были, после захвата Ленинграда, начать «решать» т. н. военно-хозяйственные вопросы. Одна из них, получившая кодовое наименование «Хэла», вообще разместились в Хельсинки²³, чтобы оттуда быстро прибыть в захваченный город. Естественно, что подобные специальные службы и должны были определять «будущее» существующих в Ленинграде «артефактов». Также было еще понятно, что «немецкому командованию и тем, кто должен был осуществлять первоначально оккупационные функции в городе, не хотелось “делиться” награбленным с финской стороной»²⁴. Поэтому интерес, который проявил тогда Маннергейм, был отнюдь не праздный.

Тем временем финская армия продолжила свое наступление. И здесь маршал действовал исключительно как опытный военный. Он явно рассчитывал, что «на Карельском перешейке русские потерпели полное поражение, и лишь только остатки их войск смогли отойти» к городу. В этом плане казалось, что советская армия «больше не сможет образовывать сильный фронт» и что «вопрос заключается лишь в преследовании убегающих врагов, чтобы не оставить им возможность оказывать дальнейшее сопротивление». Кроме того, Маннергейм хорошо понимал, что самим этим наступлением он не просто «поддержит немцев», а еще создаст очень «большие трудности» для защитников города²⁵.

Таким образом, начавшиеся попытки прорыва оборонительных укреплений должны были минимум закончиться выходом «к Черной речке и оттуда взять на себя обеспечение блокады Ленинграда с северо-запада»²⁶. Конкретно речь шла о прорыве Белоостровского участка советского укрепленного района у Сестрорецка и далее, что являлось, вероятно, самым главным, «если это будет возможно», левым флангом «выдвинуться к Агалатово»²⁷. Эта операция, конечно, могла осуществляться только при ее синхронизации с наступлением германских войск. Причем по немецким планам существовала уже идея не прямого штурма города, а форсирования Невы восточнее Ленинграда с возможным прорывом навстречу финнам в направлении именно деревни Агалатово²⁸.

Далее, несколько позже немцы четко определили и всю дальнейшую зону военной ответственности финских войск. Она касалась, в частности, ВВС. Финская авиация должна была осуществлять свои операции не дальше рубежа реки Малая Нева²⁹. Это явно раскрывало вероятную конечную цель финальной стадии участия их войск в штурме. Да, кстати,

и в ставке Маннергейма тоже считали, что зоной разграничения между Германией и Финляндией в Ленинграде станет Нева³⁰. Более того, Маннергейм четко признавал, что после захвата города, его «мы не сможем удерживать». Финскую подконтрольную территорию Ленинграда он видел лишь до правого берега Невы³¹. В любом случае, при благоприятных обстоятельствах, осуществление наступления финской армии неминуемо должно было закончиться тем, что войска Маннергейма ворвались бы в северную часть города.

Так главные стратегические цели были определены, и 1 сентября 1941 г. Маннергейм отдал, может быть, свой «главный» в это время приказ о переходе «старой границы».

В целом значимость решения о переходе «старой границы» была всем хорошо понятна. Она заключалась в том, что четко раскрывала все глобальные задачи участия Финляндии в войне. Естественно, о начале этой операции сразу же был проинформирован Эрфурт. Причем наряду с этой очень важной для Германии новостью ему еще передавалась личная благодарность, которую маршал выражал «немецким братьям за такой большой интерес к деятельности его армии, сочувствие и радость за ее успехи». В этом, как подчеркнул Маннергейм, он видел «гарантию совместных усилий, которые приведут нас к окончательному успеху»³². Таким образом, результат начавшегося штурма советских укреплений на «старой границе» маршал четко связывал с успехами немецких войск на южных рубежах Ленинграда.

И все это происходило уже в условиях, когда на финской стороне, с линии фронта, с помощью бинокля, как утверждал в своем дневнике Эрфурт, можно было хорошо разглядеть «огромный купол Исаакиевского собора, а также пик игольчатой башни Адмиралтейства, которая сияла позолотой на вечернем солнце». Также можно было, вероятно, видеть и «большие клубы дыма, которые вставали над городом»³³. Это были уже пожары от артиллерийских обстрелов и бомбардировок немецкой армии, которые начались тогда в Ленинграде.

Да, немецкие войска тоже пошли на прорыв. Причем для командующего группой армий «Север» Р. фон Лееба, конечно, был важен, прежде всего, его собственный успех. Поэтому 3 сентября об отношении к финскому наступлению он прямо записал в своем дневнике, что для него продвижение войск Маннергейма «на один или несколько километров» в сторону Ленинграда не являются определяющим. Но при этом пояснил, что для немецких войск самым главным было, чтобы финские войска «в ближайшие дни продолжали атаковать. Тогда, — как он заметил, — русские не смогут вывести с финского фронта наиболее боеспособные силы и задействовать их против нас»³⁴.

В целом данную задачу маршал выполнял исправно. На северных подступах к городу развернулись крайне напряженные, кровопролитные бои³⁵. Но — что было для Маннергейма наиболее неприятно — наступающие несли большие потери. Именно это больше всего беспокоило финского маршала. Общее число потерь в финской армии уже превысило 20 тыс. человек³⁶.

Что мог в условиях ожесточенного сопротивления обороняющихся предпринять Маннергейм? Снять войска с других участков фронта, чтобы, атакуя Карельский укрепленный район, созданный на старой границе, перемолоть там новые тысячи своих солдат?³⁷ Людские ресурсы страны этого просто не позволяли. Очевидно, требовалось несколько иное решение.

Так сходу прорвать укрепления не удавалось, и маршал вынужден был наступление прервать. Об этом он проинформировал германское командование, поскольку уже не раз указывал, что для успешной совместной операции и «чтобы избежать зоны укреплений», следует «атаковать противника со спины», т. е. осуществить прорыв, прежде всего, немецким войскам. К Ленинграду, как он тогда незатейливо заявил Эрфурту, «с юга подойти будет проще»³⁸.

Тем не менее, маршал одновременно заявил представителю германского командования, что в блокаде Ленинграда «финская армия готова участвовать по всему фронту», поскольку именно таким образом оказывается давление на обороняющие город войска и финны могут своими «боевыми действиями эффективно связать силы противника». Но при этом Маннергейм вынужден был признать очевидное: прорвать сами укрепления «у финнов нет ни сил, ни средств»³⁹.

Эти же проблемы тогда наблюдались и в немецких войсках. Они также не могли добиться успеха на южных подступах к Ленинграду. Как заметил известный германский военный историк В. Хаупт, «группа армий “Север” уже не была достаточно сильной, чтобы кардинально улучшить положение фронта». Немецкие войска в это время, по его оценке, были уже «изможденными, изнуренными и истекавшими кровью»⁴⁰. Они тоже были остановлены и ворваться в город практически реально не могли. Единственное, что немецким войскам на ближних подступах к Ленинграду удалось, — это выйти к его предместьям, а также на востоке от города прорваться 8 сентября в район Шлиссельбурга (Петрокрепости), к истокам Невы и берегу Ладожского озера, т. е. создать блокадное кольцо, которое они образовали вместе с финской армией. Но сам штурм Ленинграда уже захлебнулся. К 20 сентября линия фронта на ближних подступах к городу полностью стабилизировалась, а Маннергейму лишь оставалось, через Эрфурта, поздравлять немецкое командование «с великими победами группы армий “Юг” на Украине»⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вимавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории, 1994. № 1. С. 56.

² Там же. С. 69.

³ *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история. 1975, № 5. С. 160.

⁴ См., например: *Власов Л.* Маннергейм. М., 2005; *Власов Л.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003; *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. СПб., 2005; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда в концепциях финских историков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004; *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo, 1974; *Meinander H.* Gustaf Mannergeim — Aristokraatti sarkatakissa. Hels., 2017. S. 236–237 и др.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. Hels., 1952. S. 346.

⁶ *Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941 // Visuri P.* Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. Jyväskylä, 2017.

⁷ Его оккупация рассматривалась «как нереализуемая проблема для его обеспечения» (*Jokipii M., Manninen O.* Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2006, N 25. S. 256).

⁸ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 149; *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну 1940–1941 гг. СПб., 2005. С. 204.

⁹ *Tuompo W. E.* Pääväkirjani 1941–1944. Porvoo-Hels., 1969. S. 28–29; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo, 1984. S. 13; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. М., 1971. С. 101; *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941.* Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 161–162.

¹⁰ *Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941.* S. 161, 163.

¹¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 327.

¹² Их общее количество составило в июле около 6 700 убитыми и пропавшими без вести, а число раненых достигло 25 тыс. человек (*Talvela P.* Sotilaan elämä. Osa II. Jyväskylä. 1976. S. 315).

¹³ *Jokipii M., Manninen O.* Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 262.

¹⁴ *Ibidem.*

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941.* S. 202.

¹⁷ *Ibid.* S. 203.

¹⁸ *Ibid.* S. 204.

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ См.: *Барышников В. Н.* К вопросу об определенных причинах поражения советских войск в сражении за Выборг в августе 1941 года // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. первая. СПб., 2017. С. 294–313.

²¹ *Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941.* S. 221.

²² *Ibid.* S. 241.

²³ См.: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 54–55, 147, 204.

- ²⁴ Там же. С. 55.
- ²⁵ Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941. S. 222, 223.
- ²⁶ Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet. S. 260.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Ibid. S. 266.
- ²⁹ Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941. S. 257; Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007. С. 70.
- ³⁰ Manninen O. Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. 1941. Helsingi, 1980. S. 204.
- ³¹ Tiompo W. E. Päiväkirjani 1941–1944. S. 53.
- ³² Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941. S. 224.
- ³³ Ibid. S. 246.
- ³⁴ Цит. по: Лебедев Ю. М. По обе стороны блокадного кольца. СПб., 2005. С. 27.
- ³⁵ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 167–168; Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. Хельсинки—СПб., 2002. С. 103–106.
- ³⁶ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. S. 150.
- ³⁷ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 169.
- ³⁸ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. S. 213.
- ³⁹ Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941. S. 226.
- ⁴⁰ Хаунт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. М., 2005. С. 101.
- ⁴¹ Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941. S. 248. В целом к октябрю группа армий «Север» потеряла уже примерно 60 тыс. человек.

ЛИТЕРАТУРА

- Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну 1940–1941 гг. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. 480 с.
- Барышников В. Н. К вопросу об определенных причинах поражения советских войск в сражении за Выборг в августе 1941 года // Карельский перешеек. Страницы истории. Кн. первая. СПб., 2017. С. 294–313.
- Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 с.
- Барышников Н. И. Блокада Ленинграда в концепциях финских историков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 249–254.
- Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. Хельсинки—СПб.: Johan Beckman Institute, 2002. 300 с.
- Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2007. 177 с.
- Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб.: Наука, 2010. 409 с.

Вайну Х. Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история. 1975, № 5. С. 141–167.

Вима-вирта Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории, 1994. № 1. С. 56–74.

Власов Л. Маннергейм. М.: Молодая гвардия, 2005. 309 с.

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 1. М.: Воениздат, 1971. 405 с.

Иоффе Э. Линии Маннергейма. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2005. 366 с.

Лебедев Ю. М. По обе стороны блокадного кольца. СПб.: Изд. дом Нева, 2005. 302 с.

Хаунт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2005. 380 с.

Jalkaväenkenraali Waldemar Erfurthin sotapäiväkirja vuodelta 1941 // *Visuri P.* Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. Jyväskylä: Docendo, 2017. 122–373 s.

Jokipii M., Manninen O. Leningradin saarto: Saksan ja Suomen tavoitteet // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2006, N 25. S. 256–294.

Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. Hels.: Otava, 1952. 526 s.

Manninen O. Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. 1941. Hels.: Kirjayhtymä, 1980. 328 s.

Meinander H. Gustaf Mannerheim — Aristokraatti sarkatakissa. Hels.: Otava, 2017. 335 s.

Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo-Hels.: Werner Söderström Oy, 1974. 349 s.

Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.: Werner Söderström Oy, 1984. 268 s.

Talvela P. Sotilaan elämä. Osa II. Jyväskylä: K. J. Gummerus Oy. 1976. 493 s.

Tuompo W. E. Pääväkirjani 1941–1944. Porvoo-Hels.: Werner Söderström Oy, 1969. 300 s.